

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

И. Н. СИЗЕМСКАЯ

Экономическая политика как механизм сближения нравственности и экономики

Ход вещей зависит от того, какими нравственными принципами мы действительно руководствуемся на практике. *К. Ясперс*

Сегодня стало очевидно, что многие просчеты в нашем опыте модернизации связаны в том числе (а когда и в первую очередь) с особенностями нашего исторического социокультурного опыта, с нашей ментальностью, сформировавшейся в досоветское и советское время, со статичностью нашей культуры. Так, власть, опираясь на законодательство и правовые нормы, делает более решительные шаги против коррупции, но, ведь последняя есть культурный феномен, обусловленный в том числе и такими факторами, как ограниченный радиус социальной идентичности и доверия, а это уже, если говорить об анализе ситуации — культурная парадигма. Мы много говорим о значимости финансовых инвестиций в экономику страны (что совершенно справедливо), но не стоит ли задуматься о значимости и так называемого социального капитала, если под последним, следуя Ф. Фукуяме, понимать совокупность таких норм поведения, как взаимное доверие, честность, обязательность, ориентация на духовно-нравственные ценности сообщества¹. Бесспорно культура в ее индивидуальном, национальном проявлении должна учитываться в модернизаци-

онной практике, при решении задач развития гражданского общества, обеспечения материального

благополучия населения, выхода на международный рынок, достижения «конвертируемости» образовательных программ и т. д. Я позволю себе в этой связи небольшое отступление.

В 1985 г. вышла книга американского социолога Лоуренса Харрисона «Отсталость как состояние ума: случай Латинской Америки», в которой главным препятствием на пути экономического прогресса для стран Латинской Америки называлась культура, а причина отсталости этих стран виделась не в американской экономической экспансии, не в мировом империализме, а «в головах» латиноамериканцев — в их культурных стереотипах, исторических традициях, ментальности. Л. Харрисоном был сделан вывод: культура в ее субъективной реализации в виде определенных ценностных ориентаций, нравственных норм, стереотипов социального поведения, господствующих среди населения представлений о должном влияет на предрасположенность того или иного социума к прогрессу в экономической и политической областях. Поэтому, способствуя прогрессивным преобразованиям в культуре, мы способствуем желаемому экономическому росту общества, а в социальном знании — замене утвердившимся «теориям зависимо-

сти» культурной парадигмой. Вслед за книгой Л. Харрисона наделал шуму бестселлер «Пособие для идеального латиноамериканского идиота», авторы которого считали, что реальные причины отсталости континента следует искать все в той же культуре латиноамериканцев — в победе иберо-католического наследия над англопротестантским². Англоязычная Америка стала дочерью Реформации, со всеми ее социальными и политическими последствиями, а испано- и португалоязычная Америка — дитя вселенской католической монархии и Контрреформации. Разумеется, идея вызвала бурные дискуссии, но со временем приобрела очень многих приверженцев (прежде всего в Латинской Америке, Африке и Азии) и чуть позже была обстоятельно обоснована в проекте, инициированном Гарвардской академией международных и региональных исследований, осуществленном под руководством Л. Харрисона. Проект ставил задачей исследовать вопрос по интеграции культурного фактора в экономическое и политическое развитие стран мира. Материалы и идеи этого проекта вошли в книгу, получившую широкую известность — «Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу». Под словом прогресс авторы имели в виду движение к экономическому развитию и материальному благосостоянию, социально-экономическому равенству и политической демократии», а под словом «культура» — «ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества»³. Авторы, известные экономисты, политологи, социологи, ставят вопрос: можно ли с помощью политических или иных инструментов трансформировать культуру, приспособив культурные ценности и традиционные ориентации, складывавшиеся исторически, к потребностям развития современной экономики и при этом оставить человека в его культуре, — той к которой он себя относит.

Главным выводом книги стал тезис: КУЛЬТУРА — это СЕРЬЕЗНО. Модерниза-

ция общества невозможна без учета тотального влияния культуры (во всех ее формах и на всех уровнях) на жизнь современного социума и, прежде всего, на сферу экономики. Практика показала, что, с одной стороны, в условиях глобализации, в которую логикой истории втянут современный мир, трудно применить к странам разного типа культуры общую модель модернизации, с другой стороны, вектор и успехи ее осуществления во многом зависят от особенностей национальной экономики, социальной, политической организации общества, наконец, от господствующих в обществе религиозных убеждений и отношений с государством церкви. Вот почему модернизацию характеризуют разные типы в различных регионах мира, а социокультурная составляющая осуществляющихся преобразований приобретает все больший вес, потеснив значимость внешнего влияния и воли политически господствующих групп⁴. Кто сегодня оспорит тот факт, что национальные традиции японского народа стали катализатором «японского чуда», а умелое манипулирование ими со стороны власти сыграло далеко не последнюю роль в ускорении модернизации японского общества? Многие аналитики, изучавшие в последнее время «азиатское экономическое чудо», пришли к выводу, что конфуцианские ценности сыграли решающую роль в успехах этих экономических регионов.

В плане такой постановки проблемы я предлагаю рассмотреть вопрос о связи экономики и морали и о роли, которую играет в их диалектическом взаимодействии **экономическая политика**. Последнюю я рассматриваю как важнейший социокультурный механизм встраивания нравственных принципов в собственное пространство экономики.

Какие моменты модернизации актуализировали обращение к проблеме «экономика и нравственность», очевидно обозначившееся во второй половине XX века? Я сознательно употребила понятие «актуализировали», поскольку анализ капиталистической цивилизации с позиций признания взаимодополняемости экономики и этики был парадиг-

мальным для большинства аналитиков капиталистической цивилизации и в прошлом. Можно вспомнить А. Смита, которого в равной степени можно называть экономистом и моралистом, К. Маркса, квалифицировавшего противоречия капиталистической цивилизации с позиций гуманизма и феномена отчуждения, М. Вебера, выведившего рождение капитализма из духа протестантской этики, Э. Дюркгейма, связавшего социально-экономическую основу капиталистического общества — разделение труда — с «органической солидарностью», С. Булгакова, пытавшегося рассмотреть экономическую сферу жизни человечества с позиций христианского понимания смысла жизни, исключавшего насилие, грабеж, социальную несправедливость. Подчеркну, что во всех случаях рассмотрение проблемы выходило за рамки оценочного вопроса об этике капитализма, т. е. критики его с позиций норм общечеловеческой морали. Речь шла о «переплетении» в экономической матрице цивилизации таких разных составляющих как прибыль, норма эксплуатации, рынок и — социальная справедливость, равенство, свобода, солидарность, сострадательность, при осознании факта, что и те и другие в равной степени являются факторами функционирования и исторического движения общества в целом и его экономики, в частности.

В рамках сложившихся на сегодня теорий экономика рассматривается как одна из наиболее фундаментальных и динамичных форм общения людей, на которую культурные ценности не только оказывают прямое влияние, но и реализуются на ее поле с наибольшей отдачей, а возникающие внутри ее социокультурные отношения — как необходимое условие и цель человеческой жизни. В этой связи представляется уместным напомнить о марксовской концепции общественного производства, поскольку она стала отправной точкой для такого рода исследований капиталистической системы. Как утверждает В. А. Иноземцев, приверженцы одной из самой влиятельной и востребованной постиндустриальной теории «не только не

отрицали научного значения марксизма, но и стремились вести с ним глубокий конструктивный диалог»⁵.

В системе взглядов Маркса общественное производство (любое, и потому в равной степени как капиталистическое, так и коммунистическое) всегда выступает в единстве трех ипостасей: 1) как производство материальных условий жизни («производство вещей»), 2) как производство духовных ценностей («производство идей»), 3) как «производство человека», т. е. тех социокультурных форм общения (общественных отношений), в которых осуществляется его жизнедеятельность в качестве существа разумного, т. е. социального. Продуктом производственной деятельности являются не только произведенные блага, ценности, услуги, но и само общество. «В качестве конечного результата общественного производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. ... Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент», — писал Маркс⁶. В этом смысле общественное производство есть **производство социальности**. Общее, что объединяет все виды производства — быть производством социокультурных форм общения людей. Именно этот момент и составляет его специфику как собственно человеческого способа взаимодействия с внешней природой. В таком проявлении общественное производство всегда совпадает с тем, что представляют собой индивиды, — с их образом жизни, видами материальной и духовной культуры, исторически сложившимися традициями, ценностными ориентациями, стандартами социального поведения. И потому оно всегда выступает одновременно как экономическая и социокультурная реальность, подчиняясь в своем функционировании двум типам закономерностей: детерминирующими развитие общества как экономической системы и как определенного типа культуры. По этой причине регулирование происходящих в экономике изменений со стороны ее субъекта (государства, бизнеса, собственников средств производства)

должно быть многоуровневым и включать в качестве необходимого условия культурную составляющую. Правда, характер и содержание взаимодействия этих двух реальностей (как и их значимость в жизнедеятельности общества) на разных этапах истории были и будут различными. Но всякий раз они, функционирующие по своим специфическим законам, взаимодополняют друг друга. Сфера обеспечения средствами жизни и собственно человеческая жизнь, образно говоря, питают друг друга, даже когда находятся в состоянии антогонизма. Существенно, что сегодня их содержание меняется; экономика не ограничивается бесконечным круговым обменом произведенными благами и ценностями между изготовителями и потребителями, а человеческая жизнь все более предстает в ее культурных измерениях.

Итак, проблема связи экономики и культуры не нова. Ново ее современное звучание с акцентом на нравственной составляющей последней и степень ее актуализации, заставляющие исследователей признать, что «существующие модели развития национальных экономик и всей мировой экономики в целом требуют соотнесения идеи развития с этическими принципами», что «наступает время этики...»⁷. Какие именно моменты развития капиталистической системы ставят проблему таким образом? В плане рассматриваемой проблемы, думаю, необходимо, прежде всего, отметить следующее.

На современном этапе со всей отчетливостью проявились те черты капиталистической цивилизации, которые ранее, на этапе индустриализации лишь обозначились. Развитие капиталистической экономики изменило качество жизни, подняв уровень благосостояния населения, высвободив ресурсы для развития разнообразных и необходимых для достойного существования видов индивидуальной и общественной деятельности, расширило рамки гражданских свобод, задало капиталистической цивилизации ориентацию, сопоставимую с гуманистическими целями человечества. Но одновременно (а может по причине названных обстоятельств)

изменилось культурно-смысловое поле, в котором живет современный человек. Произошла очевидная коммерциализация всей жизни социума и как следствие — массовое распространение эрзац-культуры, непосредственно «работающей» на интересы бизнеса, откровенная нацеленность образования на утилитаризм, включение знания в рынок услуг (сама творческая способность подчиняется диктату рынка), утверждение «нравственного плюрализма», оправдывающего нормы и стандарты социального поведения, далекие от «христианских заповедей», усиление отчуждения, появились новые формы вещной зависимости, цинизм в сфере политических и межгрупповых отношений, породивший такой опасный «вирус», как социальная апатия,— и многие другие. Складывается новая социокультурная матрица, в основе которой лежит тотальная коммерциализация всех видов деятельности (и общения), общественные институты оказываются встроенными в рыночные отношения, а сфера экономических интересов и мотивов охватывает (захватывает!) все сферы общественной и индивидуальной жизни без исключения. На этом фоне возрастает борьба за рынки сбыта и мировое лидерство, усиливается агрессивное вмешательство со стороны развитых стран в жизнь народов, пытающихся «строить капитализм» в соответствии со своими представлениями о нем, произошло обострение напряжения между «периферией и центром» мировой системы. К тому же практика показывает, что глобальный рынок порождает не меньших масштабов бедность и социальную несправедливость.

Все это заставляет признать, что современное капиталистическое общество (даже в развитом варианте) далеко от идеала с точки зрения господствующих в нем культурных ценностей и нравственных норм. «Расслоение общества и новый социальный порядок, который производит капиталистическое общество, делает проблему справедливости и этических оснований — проблему, которую ему так или иначе придется решать,— уязвимым пунктом новых отношений»⁸. Су-

ществующие модели экономического развития требуют соотносить в модернизационной практике экономические цели с этическими принципами. Сегодня нравственность, понимаемая в самом широком смысле слова, должна стать составляющей перехода капитализма в новую фазу развития, называемую, на мой взгляд, не вполне адекватным термином «постиндустриальной». (Этот термин характеризует в большей степени материально-техническую базу общественного производства, между тем речь идет о смене социокультурного вектора развития социума), с развитием культуры в виде знания, науки, мировоззренческих ценностей, духовных основ человеческого общения меняет русло общественного прогресса; экономический рост перестает выступать в качестве доминирующего социального ориентира.

К сожалению, ни социокультурная практика, ни научное знание пока не выработало эффективного и адекватного таким целям механизма включения этического компонента в сферу экономики. И это объяснимо; до наших дней главным вопросом экономики остается вопрос, что выгодно и что не выгодно, как обеспечить условия для такого ее функционирования, чтобы гарантировать прибыль, а еще лучше — сверхприбыль.

Возрастающая роль знания, информации, культуры в функционировании производства все чаще заставляют задуматься над выбором между факторами, приносящими и не приносящими прибыль в рамках этического разделения добра и зла⁹. Механизмом, посредством которого добро и зло встраивается в экономическую реальность, не нарушая ее системного характера, является, на мой взгляд, экономическая политика. Что наделяет ее таким свойством?

Экономику описывают такие понятия, как прибыль, цена, рынок. Эти категории «наидеологичны» в том смысле, что не может быть, скажем, капиталистической и социалистической прибыли, как не может быть сама по себе экономика гуманной или негуманной, нравственной или безнравственной. Хотя иногда бывает соблазн назвать безнрав-

ственной экономику, скажем, не останавливающуюся перед хищнической эксплуатацией природных ресурсов, или основанную на технологиях, превращающих работника в часть технической системы. И все-таки экономическая реальность — это сфера, где действуют специфические рыночные законы. Рынки должны быть эффективными, а не самодостаточными, перед ними не стоит задача обеспечения социокультурной общности, справедливости, стабильности. Те задачи, которые они определяют, весьма далеки от гуманистических целей человеческого существования. А вот к экономической политике подходить с позиций определенной системы ценностей (в том числе и нравственных) не только можно, но и нужно, поскольку всякая политика — это реализация интересов, а интерес всегда коррелирует с определенной социальной позицией и соответственно с конкретными социокультурными нормами. Конечно, экономическая политика — это реализация интересов, прежде всего субъектов собственности, озабоченных всегда достижением прибыли. И поэтому ее непосредственной целью является не человек, а **структура**, но она есть единственное связующее звено между экономикой как некоторой объективной реальностью и производителем — его личными интересами, ценностными установками, нравственными принципами, культурными запросами.

В экономической политике задаются социальные ориентиры и векторы развития экономики, выбираются соответствующие им средства достижения планируемого экономического результата. Нельзя отменить или «обойти» закон стоимости без того, чтобы не нанести вред экономике, но предусмотреть в осуществляемой экономической политике обеспечение мер социальной защиты человека от сверхжесткого действия этого закона, от «произвола» складывающегося в его рамках рынка, стихии товарно-денежных отношений, — можно. С точки зрения нацеленности экономической политики на смягчение подобных факторов она вполне может быть квалифицирована как гуманная

(в той или иной мере) или негуманная, нравственная или безнравственная.

Понятно, что экономическая политика может быть направлена не только против человека труда, но и против самой экономики, например, когда она основывается на администрировании, неоправданном вмешательстве государства в сферу бизнеса. В таком случае она тоже может быть квалифицирована как безнравственная, если в итоге приведет к спаду производства, экономическому застою, снижению уровня жизни. Нравственные, социокультурные критерии экономической политики **привносятся** в экономику, и искусство состоит в том, чтобы, с одной стороны, не вызвать сбоев в экономическом механизме, основанном на рынке, а с другой стороны, привести его действие в соответствие не только с целями экономического роста, но и с интересами социокультурного развития нации и отдельного человека — как работника, как гражданина, как личности. Трудность состоит в том, что необходимо определить, где можно дать свободу действия рыночным отношениям, а где поставить перед ними искусственный «заслон», если они начинают разрушать жизненные (социокультурные) основы человеческого сообщества.

Приведу исторический пример — опыт сталинской индустриализации. Очевидно, что сама по себе она выражала объективное требование экономического развития страны в соответствующих времени темпах и формах, — безотносительно к конкретным поставленным обществом целям. С индустриализацией был связан необходимый этап развития общественного производства, вставшего на путь модернизации, на путь исторического перехода от традиционного общества к промышленному. Но какой ценой она досталась? Цена эта — жизнь сотен тысяч крестьянских семей и разорение деревни. По самым скромным подсчетам голод 1932–33 гг. унес, как известно, 4–5 млн. человеческих жизней. Продолжавшийся в эти годы экспорт зерна, отказ от которого мог бы значительно смягчить положение в стра-

не, дал 389 млн. рублей, пущенных на развитие промышленности. Таким образом, в 80–100 рублей была оценена одна человеческая жизнь, брошенная на алтарь индустриализации. По сути, осуществленная модель экономического роста для сельского хозяйства стала экономической Вандеей. Не меньшей «издержкой» (по масштабам влияния на характер развития общества) стало и другое: экономическая политика на многие годы «заболела» опасной социальной болезнью — «нравственным дальтонизмом», как назвал ее академик Д. С. Лихачев, а в общественном и индивидуальном сознании утвердилось мнение, что иначе и не может быть. В итоге снизился уровень социальных притязаний, в сознании людей укоренилась консервативно-охранительная система ориентации, что привело в конце концов к утрате следующими поколениями исторической перспективы, нацеленности в будущее, прогрессистского видения мира (как говорится, «против чего боролись, на то и напоролись».) Можно ли придумать большую нравственную потерю для общества?

Конечно, связь между экономикой и социокультурным, нравственным прогрессом общества диалектична. С одной стороны, развитие первой объективно участвует во втором, что требует признания правомерности «нравственного оправдания» экономики. С другой стороны, культурное развитие общества есть фактор экономического роста. Особенно очевидные контуры эта диалектика приобретает в наши дни, когда знание, научные достижения становятся непосредственной производительной силой, самым прямым образом влияющей на экономический рост. Определить меру этой взаимосвязи — задача экономической политики потому, что она в отличие от экономики идеологична (в нашем случае — ближе стоит к культуре). Самое трудное и самое важное в решении этой задачи «удержаться» в рамках меры, не впасть в односторонность. Особенно трудно этого добиться в период коренной реконструкции общественных структур, лежащих в основании экономики отношений собст-

венности, обмена и распределения. В такие периоды возможности сиюминутной выгоды часто предстают важнее долговременных социальных интересов, экономическая тактика берет верх над социокультурной стратегией.

В этой связи приведу примечательное для первых перестроечных лет высказывание Н. Шмелева, имевшего в то время влияние на ориентиры вырабатываемой новой экономической политики, как тогда говорили, «нового мышления»: «... рубль,— писал Шмелев,— должен быть поставлен в центр всего. Он и только он должен стать наградой за усердный труд. Ну, а души человеческие? А о душах человеческих предоставим заботиться тем, кто и должен по долгу своему это делать: учителям, писателям, пропагандистам, судьям, попам»¹⁰. Хочу напомнить, что точка зрения Шмелева пробивала себе дорогу через острую полемику с ее противниками, а вопрос о «нравственности экономики» в то время широко обсуждался экономистами, социологами, философами, деятелями культуры¹¹. Я напомнила ситуацию начала 90-х годов, чтобы задать вопрос: не поэтому ли мы сегодня имеем тот угрожающий разрыв между экономикой и культурой, что предложенный принцип был воспринят как «максима» новой экономической политики и теперь, расплачиваясь за нарушение названной выше меры, убеждаемся на собственном опыте, что культурные критерии необходимо включать в экономическую политику, ибо «культура имеет значение».

Сегодня абсолютное противопоставление интересов прибыли социокультурным, нравственным параметрам развития социума не оправдано как на уровне «большой политики», так и на уровне «здорового смысла». Прибыль и интересы человека (его достойное существование, личностное развитие, возможности самовыражения и т. п.) — это, конечно, два разных измерения. Но каждому из них должно быть отведено свое место в оценках эффективности экономики. Разумеется, смысл, содержание и цели экономической политики, всегда представляющей

собой, по сути, манипулирование людьми через потребности и интересы, в первую очередь подчинены задачам экономического роста и должны соответствовать требованию экономической целесообразности. Но следует помнить, что личностные интересы человека в экономике не может представить ничто, кроме экономической политики и потому последняя должна проводиться с обязательной «оглядкой» на работника, а главное с учетом интересов его личностного развития. В противном случае «гомоэкономикус» никогда не станет «гомокультурус», сколь ни широки будут его возможности для творчества в рамках профессиональной деятельности, а наметившийся сегодня дисбаланс между экономикой и всеми остальными сферами жизни общества (своего рода гормональный дисбаланс), будет расти, вызывая, порождая новые дисфункции в жизнедеятельности общественного организма.

Иными словами, известный императив «Иметь, чтобы Быть» должен определять общий вектор, горизонт экономических преобразований. Следование ему предостережет от абсолютизации отношения к человеку лишь как к средству (наряду с техническими условиями труда), только как к работнику (пусть и профессионально развитому, культурнообразованному). Сегодня такой подход — не досужие призывы витающих в небесах утопистов и не популистские лозунги циничных политиков,— это отражение реальной ситуации, вызванной изменениями как в технологическом базисе экономики, так и в социокультурных запросах общества. Поэтому необходимо не только «производственно-технологическое», научное обоснование, но и нравственное оправдание каждого крупного экономического мероприятия, каждой экономической модели. **Бизнес должен признать нравственность сферой своего интереса.**

В этой связи я хочу напомнить позицию по данному вопросу Вл. Соловьева. Русский философ, всегда оставаясь гуманистом, никогда не утрачивал здравого взгляда на ве-

щи, даже когда создавал свою утопическую модель общественного устройства (теократию). Исходным основанием своих построений он выбрал принцип оправдания добра, применительно, в том числе, и к сфере экономической жизнедеятельности общества. Экономический прогресс, экономический рост, уверен был Соловьев, нравственно оправдан лишь в том случае, если он не является самоцелью, и в той мере, в какой он выступает **средством обеспечения условий, достойных человека**. Общая польза, чтобы иметь значение социального принципа, должна быть именно общей, т. е. относиться ко всем без исключения: то, что действительно есть благо всех, должно быть благом для каждого. Это общее необходимое условие жизни нравственно здорового общества. Признать в человеке только производителя, собственника и потребителя общественных благ есть точка зрения и ложная, и безнравственная. Есть три условия, считал Соловьев, при которых общественные отношения в области труда становятся нравственными. Первое условие состоит в том, чтобы экономическая деятельность не утверждалась как «себедовлеющая», второе условие — чтобы производство не существовало за счет человеческого достоинства производителей, третье условие — не наносить вред природной среде, без соблюдения этих трех условий невозможна нравственная организация жизни общества¹².

Подводя итог, сформулирую те принципы, на которых, на мой взгляд, должна и может строиться экономическая политика сегодня.

1. Будущее, фиксируемое любой политикой, стоит перед нами как задача, решение которой в силу многовариативности исторического процесса зависит, в том числе, от наших позиций, принципов, установок. Поэтому экономическая политика должна быть **нравственно ответственна** за выбор предлагаемого проекта преобразований, предписывающего обществу двигаться по пути к благосостоянию. Это предполагает «моральный образ мысли», который сегодня, как пишет

Э. Ю. Соловьев, история запрашивает в качестве внутренней детерминанты целеустремленного движения в будущее¹³.

2. В экономической политике должен четко просматриваться **премат социальной справедливости** как признание публичной властью права каждого на общее благо, на совокупное общественное богатство. Социальная справедливость есть нравственное требование и как таковое не подлежит утилитарно-прагматическому обоснованию. Поэтому в экономическую политику оно должно встраиваться в качестве принципа, не редуцируемого к существующим представлениям целесообразности — любым, хоть государственно-политическим, хоть корпоративным, хоть индивидуальным. У этого требования должен быть статус «максимы», не подлежащей осуждению, но корректируемой социальным временем и его возможностями. Можно сказать и так: требование социальной справедливости должно оказывать «морально-мобилизующее» воздействие на экономическую политику.

3. Высшим субъектом экономической политики является государство, ибо только в его властной компетенции определять ее стратегический вектор и быть гарантом интересов общества в целом и отдельной личности как владельца собственности и как непосредственного производителя. Только оно в состоянии придать **легитимный характер** принимаемым нормам, принципам, установкам, реализуемым в экономической политике.

4. Экономическая политика должна иметь **«национальное лицо»**. Сегодня мировая экономическая система основана на господстве рыночных отношений. Но рыночный фундаментализм должен быть скорректирован национальными интересами, социокультурными ценностями нации, исторически сложившимися традициями в образе жизни, в стандартах поведения, в отношении к труду, в нравственных основаниях семьи и т. д. Это будет во благо и экономике, и культуре. Последняя как сфера реализации **национального самосознания** может стать значи-

мым фактором экономического развития. Только при условии четко выраженной направленности на защиту интересов своего народа, своей страны, культивирования у бизнеса и непосредственного производителя причастности к ее исторической судьбе, возможно экономическое движение и полноценное включение в мировое сообщество.

Итак, в силу логики развития общественного хозяйства человек включается в него всегда как средство. Экономическая политика своей интенцией имеет отношение к человеку как к цели. Поэтому в ней изначально есть модус **долженствования**. Это позволяет видеть в ней тот механизм, который способен обеспечить сближение экономики с нравственными нормами общественной жизнедеятельности, задать ей гуманистический вектор развития, придать ее ориентации на пользу значение нравственного принципа.

¹ См.: Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. М., 1999. С. 130.

² Авторы названной книги — колумбиец Плинио Апулео Мендоса и кубинский изгнанник Карлос Альберто Монтанер. В 1998 г. они издали книгу «Творцы нищеты», в которой анализируют пагубное влияние традиционной культуры на поведение шести элитных групп: политиков, военных, предпринимателей, духовенства, интеллектуалов и революционеров.

³ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2001. С. 11.

⁴ См. об этом: Федотова В. Этика и капитализм. Пути объединения // Политический класс. 2007. №1. Федотова совершенно справедливо зафиксировала две (по крайней мере) трудности в разработке проблемы. Одна связана с «нестыковкой» экономики как учения о народном хозяйстве, функционирующем в соответствии с законом стоимости, — с этикой как знанием, ориентирующимся на при-

знание универсальности норм человеческого общения, исключаящем какие-либо попытки связать их с утилитарными целями. Но на уровне практики решение все-таки есть — через задействование механизмов экономической политики, хотя и в этом случае появляются свои затруднения. Например, как решить вопрос о легитимности этических норм, ведь в противном случае все попытки воздействия на экономику со стороны морали попросту «уйдут в песок».

⁵ Иноземцев В. А. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 4. Особый интерес с этой точки зрения имеет мир-системный подход к анализу капитализма И. В. Валлерстайна, в рамках которого капиталистическая система анализируется в марксовых категориях, хотя и в ином теоретическом ключе. См.: И. М. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 222.

⁷ Колпаков В. От апологии и критики капитализма к коммуникативной этике // Политический класс. 2007. №1. С. 98.

⁸ Там же. С.94.

⁹ См.: Федотова В. Этика и капитализм. Путь объединения // Политический класс. 2007. №1.

¹⁰ Шмелев Н. Либо сила, либо рубль // Обратного хода нет. М., 1989. С. 292.

¹¹ Хочу напомнить авторов статей, публиковавшихся на эту тему в так называемых «толстых журналах»: Л. Абалкин, А. Аганбегян, П. Бунич, Т. Заславская, Л. Карпинский, Г. Лисичкин, А. Нуйкин, И. Петраков, Г. Попов, В. Селюнин, А. Ципко, В. Щубкин.

¹² См.: Соловьев Вл. Оправдание добра. Нравственная философия. Гл. 16. «Экономический вопрос «с нравственной точки зрения» // Соловьев В. С. Соч. : В 2 т. М., 1988. Т. 1.

¹³ Соловьев Э. Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 346.